

КОНЦЕПЦИЯ

УДК 128

DOI: 10.32326/2618-9267-2022-5-2-45-55

ЦИФРОВАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ ВЫСШЕЙ ШКОЛЫ И ФЕНОМЕН ДЕАНТРОПОЛОГИЗАЦИИ

Давыдов Игорь Александрович — аспирант, кафедра философской антропологии философского факультета МГУ имени М. В. Ломоносова. Российская Федерация, 119991, г. Москва, Ленинские горы, МГУ, учебно-научный корпус «Шуваловский»; e-mail: galindas@yandex.ru

В статье рассматриваются аспекты цифрового перехода, интенсивно совершаемого в области высшего образования. Они затрагивают не только структурные и функциональные элементы высшей школы, но и наиболее фундаментальные стороны антропологического дискурса. Цифровая реальность либо заместит собой антропологические особенности образовательной среды, либо откроет новые возможности для реализации человека. Какая линия обеспечит наиболее гармоничное развитие личности студента? **Цель статьи:** экспликация базисных идей двух дискурсов, во многом определяющих концепты философской антропологии в эпоху дигитального поворота. Первый дискурс, кантовский, репрезентирует сознание через его единство и стремление от анализа феноменов к их синтезу. Второй же, представленный объектно-ориентированными онтологами, демонстрирует противоположный кантовскому пониманию сознания механизм расщепления реальности посредством регресса к дигитальной структуре. **Основная идея автора** заключается в том, что последний дискурс не оставляет возможностей для актуализации смыслов, которые отсутствуют в нем *a priori* в силу наличия нигилистической интенции не только к хайдеггерианскому онтологическому, но в том числе и по отношению к онтическому плану бытия. Продолжая традицию метафизики, в которой элиминации подлежало бытие, понимаемое непредметно, новые онтологи формируют лакуны в дескрипции сознания, в некотором смысле откатывая назад достижения научного знания, выраженного **концепциями** квантовой физики и философии Канта, на которые опирается автор статьи. Аспекты элиминации субъективности из среды высшего образования в эпоху дигитального поворота показаны **на примере** концептов Шпитцера, Стрельниковой, преподавательской практики Старцева, Джабраилова, Хлебникова. Автор приходит к **выводам** о том, что антропологический дискурс единства сознания преодолевает

ся возвращением к доминированию категории числа, математически «выверенного» нового материализма, в рамках которого осуществляется комплексная деантропологизация через привацию доступа к целостному сознанию. Привация, в свою очередь, обусловлена всем движением европейской философии по пути возрастания роли интеллекта и знания, с одной стороны, и убывания роли субъективности, с другой. Реалии же цифровой трансформации среды высшего образования являются следствием данного движения считающего мышления.

Ключевые слова: digital-поколение, цифровой регресс, объектная онтология, деантропологизация, субъективность

Цитирование: Давыдов И.А. Цифровая трансформация высшей школы и феномен деантропологизации // Цифровой ученый: лаборатория философа. 2022. Т. 5. № 2. С. 45-55. DOI: 10.32326/2618-9267-2022-5-2-45-55

DIGITAL TRANSFORMATION OF HIGHER EDUCATION AND THE PHENOMENON OF DEANTHROPOLOGIZATION

Igor A. Davydov – postgraduate student, Department of Philosophical Anthropology, Faculty of Philosophy, Lomonosov Moscow State University. Educational and scientific building “Shuvalovsky”, MSU, Leninskie Gory, 119991, Moscow, Russian Federation;
e-mail: galindas@yandex.ru

The article discusses **aspects** of the digital transition that is being intensively carried out in higher education. They affect not only the structural and functional elements of higher education, but also the most fundamental aspects of anthropological discourse. Either digital reality will replace the anthropological features of the educational environment, or it will open up new opportunities for human realization. Which line will ensure the most harmonious development of the student's personality? **The purpose** of the article is to explicate the basic ideas of the two discourses, which largely determine the concepts of philosophical anthropology in the era of the digital turn. The first discourse, Kant's, represents consciousness through its unity and striving from the analysis of phenomena to their synthesis. The second one, presented by object-oriented ontologists, demonstrates the mechanism of splitting reality through regression to the digital structure, which is opposite to Kant's understanding of consciousness. **The main idea** of the author is that the last discourse leaves no room for actualization of meanings that are absent in a priori due to the presence of a nihilistic intention not only to the Heideggerian ontological, but also in relation to the ontic planes of being. Continuing the tradition of metaphysics, in which Being understood non-consciously was subject to elimination, new ontologists form gaps in the description of con-

sciousness. By that, in a sense, they are rolling back the achievements of scientific knowledge expressed by **the concepts** of quantum physics and Kant's philosophy, on which the author of the article relies. Aspects of the elimination of subjectivity from the environment of higher education in the era of the digital turn are shown by **the example** of the concepts of Spitzer, Strelnikova, teaching practice of Startsev, Dzhabrailov, Khlebnikov. The author comes to **the conclusions** that the anthropological discourse of the unity of consciousness can be overcome by returning the dominance of the category of number, a mathematically "verified" new materialism, within which complex deanthropologization is carried out through the privation of access to the integral consciousness. Privation, in turn, is conditioned by the whole movement of European philosophy along the path of increasing the role of intelligence and knowledge, on the one hand, and decreasing the role of subjectivity, on the other. The realities of the digital transformation of the higher education environment are a consequence of this movement of digital thinking.

Keywords: digital-generation, digital regression, object ontology, deanthropologization, subjectivity

For References: Davydov, Igor. 2022. Digital transformation of higher education and the phenomenon of deanthropologization, *The Digital Scholar: Philosopher's Lab*, 5 (2): 45-55. DOI: 10.32326/2618-9267-2022-5-2-45-55 (In Russian).

Введение

Научная новизна данного исследования образовательной среды заключается в определении исходной позиции по отношению к проблемам ее цифровой трансформации: не внешние, объективные факторы являются стабильным критерием успешности образовательной модели, а внутренние, субъективные процессы сознания, представляющие собой основания антропологической реальности как таковой. Элиминация субъективного фактора из учебной среды ведет к деантропологизационным тенденциям, способствующим трансформации человека в постгуманистический конструкт. Однако в таком случае об образовании речь не идет, так как сам термин «образование» этимологически связан с понятием образа последний создается в процессе деятельности еще одного однокоренного термина – «воображения». Воображение же требует активного включения субъективности как способности трансцендировать, расширять реальность.

С внедрением дигитальных технологий в среду высшего образования студенты, преподаватели и психологи отметили резкий спад уровня и качества знаний, обусловленный актуализацией рисков цифрового подхода. Совершенно логичным выглядит их опре-

деление гаджетов, компьютеров, новомодных смартфонов как инструментов, с помощью которых реализуются те или иные желания и потребности людей. Авторы статьи «"Цифровое слабоумие" молодежи как проблема современного образования» – преподаватели высшей школы – констатируют: «Таковыми же обыденными стали для значительной части населения (особенно для большинства молодежи) различные цифровые технологии, о правилах безопасного обращения с которыми рядовой обыватель просто не задумывается» [Старцев, Хлебников, Джабраилов, 2021, с. 71]. Такие инструменты ускоряют сам процесс коммуникации, дают возможность получать прибыль с раннего возраста, занимаясь блоггингом и работая удаленно. Также заметно упрощается сам доступ к сложнейшей по недавним меркам информации. Но, как каждый инструмент, цифровые технологии должны иметь свои инструкции по безопасной эксплуатации. К сожалению, данные правила либо не афишируются в достаточном для среднего восприятия объеме, либо игнорируются самими пользователями цифровых устройств [Gustafson, 2004; Устюжанина, 2017; Чмыхова, 2020].

Цель статьи – применить антропологическую оптику к дигитальным процессам в среде высшего образования, чтобы определить соотношение между ними и тенденцией деантропологизации молодежной среды.

Феномен digital dementia и проблема субъективности учащихся высшей школы

Юноши и девушки, попавшие под влияние digital-технологий, не только забывают о своем существовании в мире реальных предметов онтического плана бытия, выражаясь языком Мартина Хайдеггера, но и предают забвению свои экзистенциалы, связанные с онтологическим измерением: заботу, ощущение своей конечности, ценности жизни [Хайдеггер, 1993].

Входя в мир высоких технологий, молодежь теряет самое ценное, что у нее есть, – время. Речь здесь идет не о времени, понятом как некая физическая величина, а об осмысленном, субъективном переживании времени, выраженном в придании ценностей тем или иным событиям жизни. Наиболее интенсивным событием, переживанием, полагаю вслед за С.С. Хоружим, является опыт духовный, связанный с особым типом конституирования: конституированием иным планом Бытия [Хоружий, 2010]. Действительно, порой складывается впечатление, что молодой человек, погруженный в виртуальную реальность цифровых медиа, становится как бы бессмертным, теряет ощущение времени, а вместе с ним и чувство субъективности [Fishman, Dede, 2016; Гнатышина, Саламатов, 2017]. Из жизни такого человека элиминируется полезное напряжение духа, концентрация внимания, особое аффективное состояние рождения нового, не поддающегося алгоритмизации по причине интуитивного нахождения новых аксиом, истин, субъектив-

ных ощущений существования. Именно из-за самой возможности самовоздействия рождаются гении, новые смыслы, открываются потоки творческой энергии. Но возможно ли активировать эти аутентичные антропологические факторы при постоянной дисперсии внимания и разрывах сознания, свойственных постоянным пользователям цифровой среды? Отличие сознания от интеллекта заключается в способности к синтезу, а не к бесконечному различению и дроблению единого энергийно-смыслового поля сознания на фрагментированные области, из совокупности которых создаются те или иные онтологические ассамбляжи.

Вопрос соотношения времени и цифрового пространства относится к вопросу о том, что такое сознание, и может ли оно иметь различные модусы, уровни. Современная постфилософия, трансформировавшись в онтический концепт через элиминацию вопроса о значении времени, постулирует единственно возможную реальность – материальную плоскость, по которой движутся делезианские потоки и коды. Кант утверждал, что внутренней априорной формой чувственности является время, а внешней – пространство. Из этой формулировки следует, что антропология сосредоточена главным образом внутри, так как если пространство мы можем хотя бы и фрагментарно, но объективировать, то время неуловимо, потому что, пытаясь каждый раз зафиксировать его, мы лишь все более осознаем его непостижимую текучесть. Время – это вечно ускользающее от нас бытие. Но в какой момент оно ускользает? Полагаю, в момент самой попытки фиксации, попытки понимания, а не созерцания. Желая понять феномен потока времени, человек создает радио, цифровой в своем основании уровень сознания, так как появляются дискретные объекты, находящиеся в области интеллекта, но не сознания. Так ли необходима дискретность для описания аутентичной антропологической реальности времени? Не является ли цифровой отношение к временному модусу сознания иллюзией, одной из множества галлюцинаций, появляющихся у человечества в период его энергийно-смыслового заката? Но если закат связан с угасанием чувства времени, которое в своем наиболее полном выражении есть Ничто, то восход сознания и времени в антропологической реальности приходится на активизацию энергийно-смыслового континуума. Данная активизация фундируется в субъективности, аутентичной виртуальности и постепенно затухает в процессе цифровой трансформации человека по мере приближения к тотализации неаутентичного модуса виртуальности, выраженном в цифровой посткапиталистической модели реальности. Цифра – это последний предел онтики, после которого наступает ее аннигиляция. Может ли цифра описать реальность? Может. Но в ней уже не будет человека. Парадоксально, что цифра, аннигилирующая антропологическую реальность, в то же время необходимым образом ее предполагает, так как в так называемой материи цифры нет. Фактически патологический характер цифрового отношения к миру привел к тому, что человек

превращается в уникальное явление, несмотря на рост численности населения. Переход к пространственному дискурсу роковым образом повлиял на процессы деантропологизации и формирования реальности цифры, в том числе в сфере образования.

Немецкий нейробиолог и психиатр М. Шпитцер в своей книге «Антимозг: цифровые технологии и мозг» аргументированно отвечает на данный вопрос: «...у молодых людей (представителей цифрового поколения) участились случаи нарушения памяти и способности к концентрации, рассеянность внимания, а также явное снижение глубины эмоций и общее притупление чувств. Описанные симптомы позволили врачам выявить новое заболевание – *цифровое слабоумие*» [Шпитцер, 2014, с. 87]. Фактически Шпитцер на основе эмпирического материала, полученного в ходе исследований в Южной Корее, констатирует, что использование цифровых инструментов и процесс получения, анализа и закрепления знаний несовместимы, как несовместимы процессы отталкивания и притяжения в один и тот же момент. Если высшее образование переходит на цифровой путь развития, то оно деантропологизируется, так как для знания человека недостаточно знания о человеке. Знать человека значит понимать его принадлежность к субъективности, знание же о человеке, в свою очередь, предполагает алгоритмизацию и объективизацию антропологической реальности. Иными словами, с дигитализацией высшего образования происходит кардинальное смещение акцентов с внутреннего неповторимого мира субъективности человека на внешнюю стандартизацию его восприятия цифровой средой. Понимание того, что у цифры нет смысла, приходит не сразу, а с постепенным истощением энерго-смыслового поля, которое до недавнего времени формировало антропологическую реальность через аппарат воображения. Работает ли воображение в бессмысленном режиме? Думаю, нет, так как воображение как неотъемлемая часть сознания, по Э. Гуссерлю, всегда интенционально, энергоемко, смыслообразующе. Но могут ли образовываться смыслы путем неактивного, «объективного» взгляда на вещи? Полагаю, что с потерей активности элиминируется и сама способность создавать смыслы, потому что основа смыслов – это активное, энергичное поле сознания. Но, возразят оппоненты, как же существует человек без активного сознания и воображения? Прискорбно заявлять подобное, но не каждому человеку дано активное творческое сознание, способное не только к считывающему режиму интеллектуальной деятельности, но и к синтезу, к синтетическому *a priori* И. Канта. По этой причине существует феномен интеллекта без сознания, анализа без синтеза. Очевидно, что для активной деятельности сознания нужен энерго-смысловой континуум, но как ему появиться, если за цифрой ничего не стоит из того, что принято считать антропологической реальностью: ощущения, чувства, переживания, сверхчувственный опыт.

В работе «Цифровое слабоумие» отечественная исследовательница дигитальной проблематики Л. Стрельникова отмечает, что «цифровое слабоумие – это не игра слов, ... а диагноз – Digital Dementia, означающий нарушение когнитивных функций, собственно даже разрушение мозга, благодаря активному использованию цифровых девайсов, прежде всего, смартфонов» [Стрельникова, 2014, с. 46]. Хотя «цифровое слабоумие» официально не признано болезнью, так как оно не входит в международную классификацию болезней (МКБ), вопрос о негативном воздействии гаджетов на студентов стоит остро и требует тщательного рассмотрения. Ряд опытных преподавателей утверждают, что «ситуация, когда ребенок с раннего детства приобщается к смартфону, продиктована не прогрессом, а социально-экономическими условиями, в которые общество искусственно погружено. Нам становятся все менее доступны базовые ценности (...растворилась традиционная модель образования, все менее доступны услуги учреждений, занимающихся дополнительным образованием и досугом детей)» [Старцев, Хлебников, Джабраилов, 2021, с. 72]. Продолжая критику дигитализации высшего образования, авторы подчеркивают свой «более чем 15-летний опыт преподавательской деятельности» в ВУЗе, в течение которого они наблюдали отрицательную динамику в умственных способностях студентов. Поколение студентов-миллениалов, с раннего детства воспринявшее цифровые технологии как основу взаимодействия с миром, не держат информацию «в голове», потому что всегда есть возможность узнать требуемое в интернете, из-за чего страдает память. Они не соприкасаются с «реальными» предметами, а получают знание о мире в двухмерной структуре изображения на поверхности смартфона или интерфейсе компьютера, из-за чего страдает развитие органов восприятия мира. Люди могут много читать о вещи, но не познать ее, не открыться навстречу опыту: фактически идет приваивание значительной части опыта. Возможность опыта, формирующая целостного человека, отсутствует, так как сам темп социальной реальности и заданные ею алгоритмы вынуждают человека спешить. Подобная погоня за пустой цифрой приводит человека к ощущению непржитой жизни. Это является серьезным уроном не только для студентов, связанных с практической деятельностью, в которой необходимым является условие целостного чувствования в процессе будущей профессиональной деятельности (например, для врачей), но и для студентов «абстрактных» форм (художников, философов), для которых также важным элементом творческой деятельности представляется ощущение себя в мире большем, чем заданная структура цифровой реальности.

Авторы статьи «Цифровое “слабоумие” молодежи» – преподаватели информатики – заметили, что даже элементарный язык алгоритмов дается новому поколению студентов с трудом. Большинство из них не сдают тестов на память, и многие делают ошибки в тестах, которые еще недавно были рассчитаны на 10-летних де-

тей. Также авторы критикуют рекомендации образовательных программ, в которых предлагается сделать акцент на материалах, где «меньше текста и больше картинок» [Старцев, Хлебников, Джабраилов, 2021, с. 74]. Как известно, «поколение интернет-картинок» – это поколение миллениалов, выросших с гаджетами, мультимедийная основа подачи информации которых не могла не отразиться на формировании восприятия реальности молодыми людьми. Выражаясь языком М. Хайдеггера, их конституировал нечеловеческий Другой: Другой, вплетающий их восприятие в рамки web-паутины неаутентичной виртуальности, заменяющей собой ее аутентичный модус – воображение.

Конечно, все перечисленные выше факторы сказываются на качестве высшего образования [Стариченко, 2020; Денисов, 2018; Буряк, 2019]. Тенденции к упрощению и уплощению, к переходу в двухмерную плоскость представляют собой серьезную угрозу для сохранения самой способности к творческому, свободному развитию студентов. Но не скрыта ли причина этого дигитального перехода в самой постановке проблемы «цифрового слабоумия», в том, что рассмотрению подвергнуты следствия, но не более фундаментальные основания данного дискурса?

Если подойти к данной проблеме с антропологической точки зрения, то очевидным предстанет тот факт, что современное состояние высшего образования обусловлено всем историческим движением философской мысли, направленной на преодоление человека. Человек изобрел смыслы, он же изобрел и цифру. Однако сейчас цифра преодолевает человека, потому что его сознание трансформировалось в систему координат, алгоритмов, ограничив свои возможности единственно поощряемым уровнем сознания – интеллектом, исчислением, объективацией. К чему ведет алгоритм? К ухудшению самих алгоритмических способностей. К чему ведет знание человека? К признанию его неприсчитываемой субъективной реальности, связанной с религиозным опытом, феноменологией нуминозного и субъективностью.

Вопросы сознания и его уровней актуализируются постольку, поскольку антропология становится свидетелем поступательного дигитального регресса, сводящего целостную сингулярную картину Бытия-Ничто к фрагментированной метафизической топике числа.

Число формирует деантропологизированный тип отношения к реальности, который предполагает мышление без человека, разум без субъективности, смысл без энергии. Но могут ли названные субъекты существовать по отдельности? Я полагаю, что не могут, потому что все они сводятся в одну точку – в субъективность. Субъективность объединяет данные понятия в нечто целостное, в чем синтезируется, осмысливается антропологическая реальность.

Кант писал, что «интерес спекулятивного разума обусловлен и приобретает полный смысл только в практическом применении» [Кант, 1994, с. 519].

Соответственно, элиминируя центростремительную интенциональность, онтология разрушает антропологическое поле единства сознания. В этом центробежном движении разрушаются феномены, существующие лишь в парадигме данного единства: человек, смысл, энергия. Без фундирования в субъективности, изъяты из связи с ней, они подвергаются опустыниванию, выражаясь языком Хайдеггера. Число есть предельное следствие методичной деприации каналов связи с субъективностью.

Харман пишет, что «разум не способен быть и частью, и целым сразу. (...) сознание и его объект охватываются нечто большим, а именно: оба они существуют в объекте» [Harman, 2011, с. 115]. Действительно, за сознанием, понятым в качестве интеллекта, ничего не стоит, кроме цифры, в которую на наших глазах трансформируется человек через прогрессию транспарентности социальных систем контроля. Объективируясь в цифровой реальности, все элементы реальности стремятся к цифровой регрессии, потому что забвению подвергнута субъективность, трансцендирование к которой определяет человека как такового.

Выводы

Современные вопросы высшего образования требуют глубокого философского анализа, в ходе которого эксплицируется суть происходящих в нем дигитальных процессов. Становится очевидным факт важности offline взаимодействия студента и преподавателя, в ходе которого открываются новые грани творчества, непосредственно связанные с понятием субъективности. Творчество – это результат обращения к субъективности, исполнительский функционал – к интеллекту. Для развития считывающего, калькулирующего мышления достаточно дигитального формата образовательной среды, который, как показано выше, приводит к деградации интеллекта. Для творчества и развития целостного подхода к формированию концепции высшего образования необходим выход за рамки любых устоявшихся и новых схем, в том числе и дигитальных. Дигитальная логика стремится к преодолению антропологического фактора в учебной среде, но именно данный фактор формирует, посредством обращения к субъективности и воображению, смыслы, без которых не возникает устойчивых и стабильных условий для реализации человеческого потенциала. Необходимо учитывать важную роль неалгоритмизируемого начала в процессе внедрения новых стратегий и практик в среду высшего образования.

Информация о конфликте интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Declaration of Conflicting Interests

The author declared no potential conflicts of interest with respect to the research, authorship, and/or publication of this article.

Список литературы

Буряк, 2019 – Буряк В. В. Цифровизация образования: disruptive technologies в образовании // Гуманитарные научные исследования. 2019. № 9 (97). С. 21–30.

Гнатышина, 2017 – Гнатышина Е. В., Саламатов А. А. Цифровизация и формирование цифровой культуры: социальные и образовательные аспекты // Вестник Челябинского государственного педагогического университета. 2017. № 8. С. 19–24.

Денисов, 2018 – Денисов Д. В. От цифровой грамотности к цифровой компетентности // Педагогические и социологические аспекты образования: материалы Международной научно-практической конференции. Чебоксары: Издательский дом «Среда», 2018. С. 38–41.

Кант, 1994 – Кант И. Сочинения. В 8-ми т. Т. 4. / под общ. ред. проф. А. В. Гулыги. М.: ЧОРО, 1994. 630 с.

Стариченко, 2020 – Стариченко Б. Е. Цифровизация образования: иллюзии и ожидания // Педагогическое образование в России. 2020. № 3. С. 49–58.

Старцев, Хлебников, Джабраилов, 2021 – Старцев М. В., Хлебников В. В., Джабраилов М. А. «Цифровое слабоумие» молодежи как проблема современного образования // Психолого-педагогический журнал «Гаудеамус», 2021. Т. 20. № 2 (48). С. 69–75.

Стрельникова, 2014 – Стрельникова Л. Н. Цифровое слабоумие // Химия и жизнь XXI век. 2014. №12. С. 44–49.

Устюжанина, Евсюков, 2017 – Устюжанина Е. В., Евсюков С. Г. Цифровизация образовательной среды: возможности и угрозы // Вестник РЭУ им. Г.В. Плеханова. 2018. № 1 (97). С. 3–12.

Хайдеггер, 1993 – Хайдеггер М. Время и бытие. Статьи и выступления / пер. с нем. В.В. Биbihина. М.: Республика, 1993. 447 с.

Хоружий, 2010 – Хоружий С. С. Фонарь Диогена. М.: «ИНСТИТУТ СВЯТОГО ФОМЫ», 2010. 376 с.

Чмыхова, 2020 – Чмыхова Е. В. Социальные риски электронного обучения в цифровом обществе // Цифровая социология. 2020. Т. 3. № 1. С. 4–11.

Шпитцер, 2014 – Шпитцер М. Антимозг: цифровые технологии и мозг / пер. с нем. А.Г. Гришина. М.: АСТ, 2014. 288 с.

Fishman, Dede, 2016 – Fishman B., Dede C., Teaching and technology: New tools for new times // Handbook of Research on Teaching / ed. by H. Gitomer, C. A. Bell; 5th ed. Washington, DC: American Educational Research Association, 2016. P. 1269–1334.

Gustafson, 2004 – Gustafson K. The impact of technologies on learning // Planning for Higher Education, Society for College and University Planning. 2004. Vol. 32. No. 2. P. 37–43.

Harman, 2011 – Harman G. The Quadruple Object. Winchester, UK: Zero Books, 2011. 157 p.

References

Buryak, V.V. “Tsifrovizatsiya obrazovaniya: disruptive technologies v obrazovanii” [Digitalization of education: disruptive technologies in

education], *Gumanitarnye nauchnye issledovaniya* [Humanities Studies], 2-19, vol. 97, no. 9, pp. 21–30. (In Russian)

Chmykhova, E.V. “Sotsialnye riski elektronnoogo obucheniya v tsifrovom obshchestve” [Social risks of e-learning in a digital society], *Tsifrovaya sotsiologiya* [Digital Sociology], 2020, vol. 3, no. 1, pp. 4–11. (In Russian)

Denisov, D.V. “Ot tsifrovoy gramotnosti k tsifrovoy kompetentnosti” [From digital literacy to digital competence], *Pedagogicheskie i sotsiologicheskie aspekty obrazovaniya* [Pedagogical and Sociological Aspects of Education]: Proceedings of international academic conference. Cheboksary: Environment Publ., 2018, pp. 38–41. (In Russian)

Fishman, B., Dede, C. “Teaching and technology: New tools for new times”, in: H. Gitomer, C. A. Bell (eds.), *Handbook of Research on Teaching* Drew; 5th ed. Washington, DC: American Educational Research Association, 2016, pp. 1269–1334.

Gnatyshina, E.V., Salamatov, A.A. “Tsifrovizatsiya i formirovanie tsifrovoy kultury: sotsialnye i obrazovatelnye aspekty” [Digitalization and formation of digital culture: social and educational aspects], *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta* [Bulletin of Chelyabinsk State Pedagogical University], 2017, no. 8, pp. 19–24. (In Russian)

Gustafson, K. “The impact of technologies on learning”, Planning for Higher Education, Society for College and University Planning, 2004, vol. 32, no. 2, pp. 37–43.

Harman, G. The Quadruple Object. Winchester, UK: Zero Books, 2011.

Heidegger, M. Time and Being. Critical Essays [In German: Sein und Zeit] / transl. from Russian by V.V. Bibikhina. Moscow: Republic Publ., 1993. (In Russian)

Kant, I. Essays / in 8 vols., vol. 4 / ed. by A.V. Gulyga. Moscow: ChORO Publ., 1994. (In Russian)

Khoruzhiy, S.S. Fonar Diogena [The Lantern of Diogenes]. Moscow: INSTITUT SVYATOGO FOMY Publ., 2010. (In Russian)

Shpitzer, M. Digital dementia: What We and Our Children Are Doing to Our Minds [In German: Digitale Demenz Wie wir uns und unsere Kinder um den Verstand bringen] / transl. from German by A.G. Grishina. Moscow: AST Publ., 2014. (In Russian)

Starichenko, B.E. “Tsifrovizatsiya obrazovaniya: illyuzii i ozhidaniya” [Digitalization of education: Illusions and expectations], *Pedagogicheskoe obrazovanie v Rossii* [Pedagogical education in Russia], 2020, no. 3, pp. 49–58. (In Russian)

Startsev, M.V., Khlebnikov, V.V., Dzhabrailov, M.A. ““Tsifrovoe slabomie’ molodezhi kak problema sovremennogo obrazovaniya [‘Digital dementia’ of youth as a problem of modern education], *Psikhologo-pedagogicheskij zhurnal “Gaudeamus”* [Gaudeamus»: Journal of Psychology and Pedagogy, 2021, vol. 20, no. 2 (48), pp. 69–75. (In Russian)

Strelnikova, L. “Digital dementia”, *Khimiya i zhizn XXI vek* [Chemistry and Life 21st Century], 2014, no.12, pp. 44–49. (In Russian)

Ustyuzhanina, E.V., Evsyukov, S.G. “Tsifrovizatsiya obrazovatelnoy sredy: vozmozhnosti i ugrozy” [Digitalization of the educational environment: opportunities and threats], *Vestnik G.V. Plekhanov REU* [Vestnik of the Plekhanov Russian University of Economics], 2018, vol. 97, no. 1, pp. 3–12. (In Russian)

Поступила в редакцию: 14.05.2022